

другое, чем то, что она видит, чтобы она чисто видела то, чего желает. Она напрягается больше видеть и ничего не видит сверх того, что видит, кроме потемок; вернее, не потемки видит, ибо нет их в Тебе, а видит, что она не может больше видеть из-за темноты своей. Почему это, Господи, почему это? Затемнен зрак ее из-за нестойкости ее, или он помрачается перед блеском Твоим? Впрочем, что я: конечно, и я сама в себе затемняется, и Тобой ослепляется. Конечно, и помрачается своей короткостью, и повергается ниц перед Твоей безмерностью. Истинно так: и заволакивается тьмой из-за узости своей, и побеждается обширностью Твоей. Ведь сколь велик свет тот, от которого имеет сияние все истинное, что светит разумному уму! Сколь поместительна та истина, в которой все истинно, а вне которой – лишь ничто, и все ложно. Сколь безмерна она, видящая одним усмотрением и все, что когда-либо было создано, и кем, и через кого, и как оно из ничего было создано! Какая там чистота, какая простота, какая надежность и какой блеск! Явно больше, чем тварь может уразуметь.

Глава XV. (Что) Он больше, чем можно себе представить

Значит, Господи, Ты не только то, больше чего нельзя представить, но сам ты есть нечто большее, чем можно представить. Ибо раз можно представить нечто такого рода, – если это не Ты, получается, можно представить нечто большее Тебя: не может быть.

Глава XVI. (Что) это есть неприступный «свет», в котором Он обитает (1 Тим. 6, 16)

Истинно, Господи, это есть свет неприступный, в котором Ты обитаешь. Истинно ведь: ничто другое не проникнет в него так, чтобы там Тебя воочию увидеть. Истинно, потому не вижу его, что он для меня слишком безмерен; и, однако, все, что я вижу, я вижу при его посредстве, как глаз нетвердый то, что видит, видит при посредстве солнечного света, на который, когда тот в самом солнце, он смотреть не может. Не может разумение мое достигнуть до него. Слишком сияет он, ни уловить его не может зрак души моей, ни выдержать долгого смотрения на него. Ослепляется блеском, побеждается широтой, опускается долу безмерностью, в смущение приводится все охвати остью. О высший и неприступный свет, о истина целокупная и блаженная, как далек Ты от меня, а я так близок к Тебе! Как отстранен Ты от взора моего, когда я так предстою перед взором Твоим! Ты весь целиком вездесущ, а я не вижу Тебя. В Тебе двигаюсь, и в Тебе существую, и к Тебе не могу подступиться. Внутри меня Ты и вокруг меня, а я не чувствую Тебя.

Глава XVII. (Что) в Боге есть гармония, запах, вкус, мягкость, красота – своим невыразимым способом

Все еще сокрыт Ты, Господи, от души моей в свете и блаженстве Твоем, и потому она все крутится в потемках и нищете. Озирается – и не видит красоты Твоей. Вслушивается – и не слышит гармонии Твоей. Напрягает нюх – и не чует запаха Твоего. Изошряет небо – и не узнает вкуса Твоего. Шарит руками – и не осязает мягкости Твоей. А ведь все это Ты имеешь, Господи, в Тебе, Твоим неизреченным способом, Ты, кто дал все это вещам, Тобою сотворенным, чтобы они имели это своим чувственным способом, но огрубели, застыли, притупились чувства души моей, грешные в извечной своей вялости.

Глава XVIII. (Что) ни в Боге, ни в вечности Его, которая есть Он сам, нет никаких частей

И снова – "вот ужасы", вот снова горе и печаль преграждают дорогу ищущему радости и веселия! Уже чаяла душа моя насытиться, и вот снова утопает в нищете! Уже тянулся я откусить – и вот только пуще прежнего взалкал! Я тщился восстать к свету Божьему и упал назад, в потемки мои. Даже не то что упал в них теперь, я чувствую себя опеленатым ими. Упал я в них прежде, чем зачала "меня мать моя". Уже в них "я был зачат" (Пс. 50, 7) и в их оболочке родился. Ведь все мы некогда пали в том, "в ком все" (Рим. 5, 12) согрешили.

С ним, с тем, кто легко держал и во зло себе и нам отпустил, все мы утратили то, что мы, когда хотим искать – не знаем, когда ищем – не находим, когда находим – это не то, что мы ищем. Помоги Ты мне, Господи, "ради благости Твоей" (Пс. 24, 7). "Сердце мое говорит от Тебя: "ищите лица Моего"; и я буду искать лица Твоего, Господи. Не скрой от меня лица Твоего" (Пс. 26, 8–9). Подними меня от меня самого к Тебе. Очисти, исцели, изостри, «просветли» глаз души моей, да зрит тебя. Собирает силы свои душа моя и всем разумением своим вновь устремляется к Тебе, Господи.

Что Ты такое, Господи, что Ты, как уразуметь тебя сердцу моему? Воистину Ты жизнь, Ты премудрость, Ты истина, Ты Благодать, Ты блаженство, Ты вечность и истинное благо. Много всего этого, и не может скудное разумение мое охватить сразу столько единым взором, чтобы всем одновременно насладиться. Как же, Господи, Ты есть все это? Суть ли все это части Тебя, или каж-